Велосипед, Хаски и селфи

Темное, хмурое небо, солнца не видно. День, а уже сумерки. Выхожу из метро в парк. Дорожка, по которой я побегу идет под уклон, вдоль бетонного забора, отделяющего парк от линии метро. В начале дорожки стоит полицейский и курит. Такая у него работа. Начинаю бег. Около плотины, где речка уходит под землю - газель. В кузове газонокосилки, рядом рабочие в яркой спецодежде, курят. Приехали косить высокие заросли уже засохшей травы. Самое время косить - зима на носу. Повернули головы, смотрят на меня. Один, крепкий старик, справляет малую нужду на ствол большого дерева. Тоже смотрит. Бегу мимо, по дорожке уходящей от речки вверх, в лес. Сегодня на аллее довольно много народу, явно не на прогулке. Интересно куда все идут?
Не добегая до высоковольтной линии, сворачиваю направо к Ольняному пруду. Тропинка пробирается под желтыми лиственницами.
Как мачты яхт на сильном ветру, все лиственницы здесь когда-то наклонились в одну сторону. Странные это мачты, их краспицы - ветви изогнуты почти дугой. В Ольняном пруду не осталось ни капли воды. На высоких его берегах еще растут сосны, а дно заросло бурьяном. Рядом из земли проступают остатки редутов. Редуты помнят Петра. В один из своих приездов Петр случайно обнаружил в амбаре близ Оленьего-Ольняного пруда ботик, который впоследствии вошел в историю как «дедушка русского флота». Впервые ботик был испытан молодым царем тут же, в Измайлове, на реках Яузе и Серебрянке и на Простянском пруду.
Миновав высоковольтную линию, по короткой лесной тропинке выбегаю еще к одному пруду поменьше. Тут множество уток. Вокруг лес. В какой-то момент даже забываешь, что совсем рядом большой город. Утки замерли на неподвижной глади озера. Замечаю на берегу такие же неподвижные, но уже человеческие фигуры. Сидят на берегу. Странные существа - то ли рыбу ловят, но удочек не видно, то ли на уток собираются охотиться.
Бегу дальше по самой длинной аллее старинного парка. Высокие деревья с обеих сторон. Еще стоят, много повидавшие на своем веку, мощные древние дубы. Ветви деревьев сплетаются над аллеей, уходящей стрелой в глубь леса. Под кронами больших деревьев растут молодые, вместе они противостоят сильным ветрам, засухе, и прочим невзгодам, худшая из которых - человек. Деревья дружат, их корни переплетаются, так они общаются чтобы помогать друг другу. Давно упавшие стволы, заросшие мхом и покрытые ковром золотых листьев продолжают жить. Проникая в них корнями, соседние деревья передают им часть своей жизненной силы. Каждое дерево корнями связано с соседями, те со своими соседями и так с каждым другим деревом в лесу. Вместе они сила. Вот бы всем нам так …

Навстречу девушка на велосипеде, рядом бежит собака. Хаски.
Останавливаются. Пес безучастно ждет развития событий. На девушке стильное велосипедное трико, обтягивает ее как костюм аквалангиста, подчеркивает фигуру. Она что-то говорит собаке. Хаски смотрит не на хозяйку, а куда-то вдаль, вглубь веков. Вспоминает настоящую ездовую работу своих предков. Как возили нарты с почтой на Русском Дальнем Востоке, как потом участвовали в гонках “Золотой Лихорадки” когда американские браконьеры стали вывозить Хаски и других ездовых собак на Аляску.
На бегу спрашиваю:
- Сколько Хаски полезно бегать? Какое расстояние?
- Полезно - недовольно отвечает девушка аквалангист, разворачивая свой крутой вел в обратную сторону - 10 километров нормально.
Продолжать беседу со мной она явно не хочет. Старается побыстрее разогнаться. Хаски легко бежит рядом. Сердитую хозяйку не обгоняет, знает, что ей это не понравиться. Ну и я , конечно, не обгоняю, ведь бегу на длинную дистанцию. Движемся в одну сторону. Через несколько минут догоняю их у перекрестка двух аллей. Аквалангистка опять остановилась. Теперь с ней не только собака. Рядом стоит подруга, тоже с велосипедом. Собирается ее фотографировать. Аквалангистка собирается позировать. Расставляет велосипед, Хаски и себя так, чтобы получилось хорошее фото. Пробегая мимо, я спрашиваю: - Устала собака? В ответ - молчание, ведь я мешаю ей в такой ответственный момент. Приняв эффектную позу, аквалангистка делает селфи, так и не дождавшись, когда подруга примется ее снимать. Повторяю свой вопрос. Девушка не отвечает, недовольно морщится и качает головой. Только теперь я замечаю вторую собаку, тоже Хаски, но поменьше, она кажется слабее первой. Наверно принадлежит подруге, которая как и ее собака, поменьше аквалангистки, одета попроще и вел у нее похуже. Явно на вторых ролях.
Съемка продолжается, а я бегу все дальше и дальше. Неужели велосипеды и Хаски теперь существуют только для селфи?

Bicycle, Husky and Selfie

Dark, gloomy sky, not a glimpse of sun. Twilight in the middle of the day. I get out of the subway and enter the park.
The path along which I will run goes downhill, along the concrete wall that separates the park from the metro line. A policeman stands at the beginning of the path. He smokes. That’s his job.

I start to run. Near the dam, where the river goes underground — a truck. A dozen of lawn mowers are in the back of the truck. Workers in bright overalls smoke nearby. They arrived to mow high thickets of already dried grass. Right on time — winter is coming. Their heads turn, looking at me. One, a sturdy old man, makes a pee on the trunk of a big tree. Also looking. I run past, along the path going from the river up into the forest. Today there are a lot of people in the park, obviously not on a holiday. I wonder where everyone goes?

Before approaching the high-voltage line, I turn right to Olnyany Pond. The path sneaks under the yellow larches.
Like the masts of yachts in a strong wind, once all the larches here leaned one way. Strange are these masts, with their spreaders — tree branches — curved almost as arcs. Not a drop of water remained in the Olnjany pond. Pines still grow on its high shores, and the bottom is overgrown with weeds.

The remnants of redoubts grow from the ground nearby. Redoubts remember Peter the Great. In one of his visits, Peter accidentally discovered a small boat in the barn near the Olnyany Pond, which later became famously known in history as the "grandfather of the Russian fleet". Young tsar was the first to sail small boat right here, in Izmailovo, on the Yauza and Serebryanka rivers and on Prostyansky pond.

Passing the high-voltage line, I run out along a short forest path to another smaller pond. Surrounded by forest this pond hosts lots of ducks. At some point one even forgets about a huge city nearby. The ducks hardly move on the still surface of the lake. On the shore I notice also motionless, but this time human figures. They sit on the beach. Strange apparitions — either fishing, with invisible fishing rods, or preparing to hunt ducks.

I keep running along the longest alley of the ancient park. Tall trees guard alley on both sides. Old oaks are still alive. They have seen a lot in their lifetime. Like an arrow alley goes deep into the forest. Tree branches interwine above it. Young trees grow under the crowns of large ones. Together they resist strong winds, drought, and other hardships, the worst of which is a man.

All trees are friends, with intertwined roots they communicate and help each other. Long fallen trunks overgrown with moss and covered with carpets of golden leaves continue to live. With roots neighboring trees penetrate them to share life. Each tree is rooted in its neighbors, those with its neighbors, and so on with every single tree in the forest. Together they are invincible. What if we all could live like this…
Out of the blue comes a girl on a bike. A dog runs nearby. Husky. They stop. The dog cares not a bit about the girl cycling exercise. A stylish bike tights wraps the girl like a scuba diver suit emphasizing her figure. She tells something to the dog. Husky does

not look at her, its gaze is fixed somewhere far into the distance, centuries ago. Husky is lost in thought about the sled dog work of his ancestors. What comes to its mind are visions of the past. Driving the sleds with mail in the Russian Far East, taking part in the races of the "Gold Fever" after American poachers started bringing the Huskies and other sled dogs to Alaska.

Without stopping my run I ask:
— What is a good distance for Husky to run? What is the distance?
— It is good for the dog — a scuba diver grudgingly responds, turning her bike into the opposite direction — 10 kilometers is ok — the girl concludes.
She clearly does not want to continue the conversation with me. Tries to speed up her bike. Husky easily runs nearby without overtaking his mistress, the dog knows that she doesn't like to be overtaken. Well, I do not overtake her also. After all I run a long distance, so I have the excuse to run slow and my ego is tamed. We keep on moving in the same direction.
A few minutes later I catch up with them again. This time the scuba diver stopped at the intersection of two alleys . Now she has company. Nearby is another girl, probably her friend, also with a bicycle.

A new girl is going to take pictures of scuba diver who is in the process of setting her bike, Husky and herself to make a good photo. Running past, I ask: — Is the dog tired? Silence in response. I bother her at such a crucial moment. Having taken a spectacular pose, a scuba diver takes a selfie without waiting for her friend to start shooting her. I repeat my question. The girl does not respond, frowns with displeasure and shakes her head.

Just now I notice a second dog, also Husky, but smaller, it seems weaker than the first. Probably belongs to the new girl who, like her dog, is smaller than the scuba diver, dressed not so flashy and her bike is not so good. She is definitely on the sidelines. Shooting pictures continues, and I run farther and farther away…
Bikes and dogs nowadays, do they only exist for photo sessions and making selfies?